

Вадим Васильев
ЛЕВША

Вадим Васильев

ЛЕВША

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70075105
SelfPub; 2023*

Аннотация

Бывший абсолютный чемпион мира по боксу из 2071 года попадает в тело малоопытного кандидата в мастера спорта Димы Калитенко. Рушится Союз, наступают 90-е, и многие талантливые боксёры-любители подумывают о том, чтобы начать профессиональную карьеру. Останется ли Дима в стороне или спортивные звёзды 90-х почувствуют на себе силу его кулаков? Скоро узнаем!

Вадим Васильев

ЛЕВША

Левша

Пролог

Чёрт, опять с утра нездоровится. Ещё эти машины разлетались по всему Манхэттену, покоя от них совсем не стало. Всё этот Маск со своими полоумными инженерами, чтоб им всем, вредителям, пусто было.

А ведь было время, я помню, когда машины, как им и полагается, ездили исключительно по поверхности планеты, но если внукам об этом рассказываю, хохочут только. Дурак, думают, старый, с мозгами отбитыми, хотя на кубки мои спортивные и пояса всё ж уважительно глазеют. Особенно малой Ричи благоговеет.

Ну ещё бы, дед абсолютным чемпионом по профессионалам без малого двенадцать лет проходил в полутяжёлом и первом тяжёлом весе, Стэна Маклина трижды бил. А Стэн – боец знатный, а не пацан сопливый со стеклянной челюстью. Да, было время.

Ой, что-то совсем худо мне.

А, чтоб тебя! Сердце!

Глава 1

В уши ворвался чудовищный свист и гвалт. Что происходит-то? Только что я был в своей квартире в Нью-Йорке и

вдруг, на тебе, валяюсь на полу или матах каких-то, а прямо в лицо бьёт свет. Да яркий такой, у меня давно глаза так хорошо не видели.

– Четыре! Пять! – наклонился надо мной какой-то дядька и пальцами, значит, машет, цифры дублирует. Так это рефери, что ли? Чертовщина какая-то!

– Шесть! – крикнул судья, и я попробовал подняться с канваса. На удивление, сделать это удалось очень легко. Господи, хорошо-то как! Тело совсем молодое, чувствую себя идеально! А напротив какой-то переросток в красной майке неприязненно на меня смотрит, хочет чего-то.

– Дима, сорок секунд до конца раунда осталось! Продержись! – страдальчески крикнул мне в этот момент из угла мужичок с пышными усами. – Руки подними!

Я машинально приподнял свои кулаки и разглядел на них какие-то древние перчатки, да и только.

– Бокс! – тут же крикнул рефери, и красная майка кинулся на меня как бык. Ну куда ты спешишь, дурашка?!

Я тут же отошёл сайд-степом вправо и зарядил ему левым прямым вразрез. Элементарный, в общем, удар, но мой оппонент от него сел на задницу и ошалело уставился на меня с пола. Осмысленности в его взгляде, при этом, стало гораздо меньше, чем когда он очень грозно пялился на меня всего несколько секунд назад.

– Ох, ну ни хрена себе! Калитенко самого Илюхина умудрился завалить! – загалдели зрители. – Вот тебе и КМС!

Калитенко – это я, что ли? Куда же я всё-таки попал?

– Три! Четыре... – указав мне встать в нейтральный угол, начал свой отсчёт судья, а я, наконец-то, смог нормально осмотреться по сторонам и сразу разглядел транспарант, на котором огромными буквами было выведено: «Приветствуем участников 58-го Чемпионата СССР по боксу! 27 января – 7 февраля 1991, г. Казань».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

– Давай, Дима! Вся Пенза гордится тобой! – завизжал в этот момент кто-то из болельщиков, и мне едва не стало дурно. Попал, б..ха-муха!

Впрочем, тут пришел в себя «сам Илюхин» и поднялся с канваса, уставившись на меня уже с откровенной ненавистью. Да ты, никак, дурачок, молодым помереть собрался?! Навидался я в своей прежней молодости таких взглядов, когда по профессионалам выступать начинал, но примерно после седьмого-восьмого нокаута «грозных» оппонентов, пошли уже нормальные соперники, глядевшие на меня поначалу с уважением, а затем и с опаской.

Так что попал сегодня не только я, но и ты, «сам Илюхин»!

– Бокс! – снова скомандовал судья, и это чудо в красной майке опять кинулось на меня с левым джебом наперевес. Правша, стало быть. Вновь молниеносно сместившись с траектории движения противника, я на этот раз ударил сбоку правым прямым, угодив в самое слабое место на лице человека – подбородок. Илюхин снова сел на канвас под оглуши-

тельный рёв зрителей.

– Вот так четвертьфинал! Ты глянь, что молодой творит, а?! – шумели болельщики.

В этот момент раздался звук гонга, и кое-как поднявшийся Илюхин поплёлся в свой угол. Я же направился к усатому дядьке, который смотрел на меня круглыми от удивления глазами.

– Садись, садись, Дима! – тут же завохтал он. – Вот ты молодец! 2-2 по нокдаунам!

«Чего?! – поразился я. – Соперник меня, оказывается, уже тоже дважды на задницу усадил. Хорошие дела!».

– Проигрываем пока, Дима. Соберись! Последний раунд впереди, надо отыгрывать! – суетился усач, обмахивая меня полотенцем. – Весь посёлок за тебя! Да что там посёлок, вся Пензенская область! – «подбодрил» меня тренер, от чего я нервно хохотнул.

Бой меня, как раз, не беспокоил. Меня больше волновал тот факт, что я умер и, судя по всему, попал прямиком в ад. Хотя, в качестве компенсации, я был молод и здоров, и это обстоятельство, безусловно, радовало.

Тут судья пригласил нас с красной майкой в центр ринга, зазвенел гонг, и начался последний, третий раунд. Я сразу же привычно занял середину площадки, легко столкнув Илюхина в сторону, и принялся бомбардировать его правым джебом.

– Калитенко центр захватил! Под Цзю косит! – донеслись

до меня возгласы болельщиков.

– Ты глянь, и стойку поменял! Совсем кукухой поехал!

– Ща Илюхин его прибьёт! Мастер, всё-таки!

Под эти крики мастер спорта Илюхин, пропустив, тем временем, несколько болезненных джебов, начал понемногу пятиться назад, к канатам. На физиономии его застыло выражение бесконечного удивления, а глаза бегали туда-сюда, словно он лихорадочно искал и не мог найти выход из сложившейся ситуации. Проблема моего оппонента была в том, что я, пребывая в сильнейшем стрессе от смерти и переноса в другое время и тело, механически делал то, к чему так привык в прошлой жизни – избивал своего, к слову, далеко не самого мастеровитого соперника.

Наконец, зажав красную майку в угол, я принялся методично обрабатывать его ударами, резко меняя этажи атаки – от головы до корпуса. Вскоре я сбил оппоненту дыхание, и физиономия мастера спорта стала такой же красной, как его форма. Засопев, он опять с ненавистью глянул на меня и, попытавшись войти в клинч, еле слышно выдал:

– Всё равно Динара будет моей!

– Совет да любовь! – машинально ответил я, легонько оттолкнув Илюхина и, тем самым, сбив клинч, после чего нанёс ему два коротких боковых в голову. От них он закрылся перчатками, но тут же пропустил заготовленный мной удар в печень. В результате, Евгений Илюхин – мастер спорта СССР, г. Саратов – судорожно хрюкнув, сложился в две по-

гибели и исполнил крайне редкий номер – задом вперёд вылетел с ринга прямиком в беснующийся зрительный зал.

Тут же прозвенел гонг, и всё буквально потонуло в криках.

– А-а-а-а-а!!! Ка-ли-тен-ко! Ка-ли-тен-ко!! Ка-ли-тен-ко!!!

Легонько поклонившись зрителям, я прошёл в свой угол, где усач тут же повис на мне, счастливо вопя:

– Дима, ты понимаешь, что ты сделал?! Ты уработал самого Илюхина! Бронза! У нас, как минимум, бронза!!!

– Ура-а-а... – уныло протянул я, что не укрылось от внимания моего тренера, но вопросы по этому поводу он, очевидно, решил оставить до вечера.

– Давай к судье! – стянув с меня перчатки, махнул в сторону центра ринга усач.

Через несколько секунд рефери на фоне прозвучавшего объявления о победе вздёрнул мою руку вверх, после чего я пожал ладонь тренеру соперника и вернулся в свой угол. Слабо стенающего Илюхина, тем временем, кое-как привели в чувство и, поддерживая, увели из зала.

Вскоре направились к выходу и мы с усачом, но по дороге я был окликнут какими-то девушками:

– Дима! Сегодня я болела за тебя! – томно выдала мне сидевшая возле прохода смазливая темноволосая юница, кокетливо захлопавшая ресницами. – Встретимся вечером?!

Оккупировавшие места рядом с ней подруги, при этом,

хихикали и беззастенчиво пялились на меня, как на медведя в зоопарке. «Видимо, та самая Динара», – подумал я, вслух ответив: «Да, можно». Моё невинное согласие тут же вызвало очередное прысканье смешливых девиц, которым, впрочем, в их возрасте, как я неоднократно убедился в прошлой жизни, достаточно показать палец, чтобы спровоцировать вспышку безудержного веселья на добрых тридцать – сорок минут.

– Пойдём, пойдём, Дима! – вцепился в меня в этот момент «усатый нянь» и поволок за собой, как на буксире. – Ты что, забыл, что тебя в посёлке невеста дожидается? Марфуша? – добавил он через минуту, чем окончательно и безвозвратно загубил моё начавшее, было, улучшаться настроение. – Дочь председателя!

– Забыл! – выдал я, чуть подумав. – Я после второго нокдауна от «самого Илюхина» вообще всё забыл, тренер!

– Вот так дела! – изумился усач. – Ладно, быстро переоденься и поедем к больницу!

Не став сразу спорить, я вошёл в раздевалку, где обнаружил ещё нескольких ребят, ожидающих своих боёв.

– О, Пенза, здорово! – тут же заулыбался мне невысокий молодой парень, в котором я с некоторым трудом узнал будущего прославленного чемпиона мира среди любителей, а затем и профессионалов Костю Цзю. – Чё, как выступил?!

– Проиграл, конечно! – ответил я в тон Косте. – Ну, так не кому-нибудь, а самому Илюхину, понимать надо!

– Слышали, у вас тут из-за девчонки замес произошёл на днях... – внёс свою лепту в разговор сидевший в углу коренастый здоровяк в такой же, как у меня, синей майке.

– Да и я что-то такое, вроде, слышал, – ответил я под смех коллег по спортивному цеху. – А где мой шкафчик, кто знает? – продолжил я веселить народ. – А то Илюхин за девушку Динару мне память отбил напрочь!

В результате, мне показали, где висит «моя» одежда, и я смог сменить спортивную форму на «изумительно» выглядывшую продукцию одной из советских трикотажных фабрик. В довершение, напялив на себя сверху клетчатое пальто, в котором я, безусловно, выглядел, как самое настоящее чучело, я пожал руки ребятам и вышел в коридор к терпеливо ожидавшемуся меня усачу.

В таком, как сейчас, виде, я, конечно, мог привлечь только Марфушу, и это надо было тоже исправлять, пусть и не обязательно в первую очередь.

– Тренер, я вот что думаю... – обратился я к «усатому няню» по пути к выходу из спортивного комплекса. – Не надо нам с тобой в больницу, по крайней мере, прямо сейчас.

– Почему это? – надулся мой сопровождающий.

– А ты посуди сам. Ну, заявимся мы сейчас к докторам и скажем, что мне память отшибло. Так они же меня с соревнований сразу снимут, и плакал наш с тобой шанс на чемпионство.

– Да, скорее всего... – задумался усач. – Что тогда делать

будем?

– Ничего не будем, подождём. Ну а после турнира память может и восстановится, кто знает. А пока напомни, как тебя зовут! – порадовал я невинным вопросом усача, который в ответ отвесил челюсть и изумлённо уставился на меня во все глаза.

По пути в гостиницу, расположенную недалеко от дворца спорта, выяснилось имя моего тренера – Владимир Васильевич Колыванов или попросту Василич. Колыванов привёз меня на соревнования из расположенного далеко в Пензенской области посёлка городского типа, где я, а точнее мой предшественник в этом теле, был личностью довольно известной. Ещё бы, в свои двадцать лет Дима Калитенко, успев окончить среднюю школу и отслужить в рядах вооружённых сил, стал победителем регионального турнира и отобрался на чемпионат СССР.

Сам это факт уже был невероятным достижением, и особых успехов в именитой компании от меня никто не ждал. Тем неожиданнее было то, что я смог добраться до четвертьфинала, где и попал на мастера спорта Илюхина, который на протяжении первых двух раундов под смех зрителей гонял меня по рингу, как сидорову козу.

А затем, по словам Василича, произошло настоящее «чудо чудное, диво дивное, раскудрит твою через коромысло!». После второго нокдауна я вдруг встал с канваса, зачем-то поменял стойку и начал избивать соперника, будто тот «пи-

онер сопливый, а не мастер».

– Если бы своими глазами не видел, ни за что не поверил бы! – эмоционально закончил свою речь Колыванов, который, как выяснилось, тренировал меня до армии на протяжении пяти лет.

– А что за Динара, не знаешь? – спросил я Василича, который уже дважды потребовал у меня при обращении к нему «не выкать».

– Не связывайся с ней! – помрачнел тренер. – Дочь второго секретаря местного горкома партии. Не нужен ей ни ты, ни Илюхин! Развлечение у неё такое – дураков между собой лбами сталкивать, вот вас и столкнула, с...чка!

Глава 2

Придя в гостиницу, мы с Василичем пообедали в столовой, после чего он показал, где находится мой номер.

– Не ходи сегодня никуда. Отдыхай! – заклохотал, как насадка, тренер на прощание. – Завтра у нас выходной, подготовимся к полуфиналу, а послезавтра сам бой.

– Хорошо-хорошо, Василич... – клятвенно заверил я его. – Буду сидеть в номере, как пришитый. Не волнуйся!

Окинув меня напоследок подозрительным взглядом, «усатый нянь», наконец-то, отправился по своим делам, и я смог осмотреться по сторонам. Как и ожидалось, никаких приличных вещей у жителя далёкого посёлка Димы Калитенко не было. Лежавшие на тумбочке наручные часы «Полёт» с поцарапанным стеклом я, при всей своей терпимости,

за таковые посчитать не мог.

Тем не менее, проведя тщательный осмотр оставшейся в номере одежды, я вскоре обнаружил в невесть как затесавшихся в Димин гардероб джинсах потайной карман, в котором спокойно лежала сиреневая двадцатипятирублёвая бумажка с профилем какого-то лысого мужика. Я родился много лет спустя после развала СССР и понятия не имел, что можно приобрести на такую сумму, но это было лучше, чем ничего.

В этот момент в номере оглушительно зазвонил красного цвета телефон, больше похожий на музейный экспонат. Не сразу сориентировавшись, я, тем не менее, сообразил поднять трубку и приложить её к уху.

– Дима, ну я не поняла... – тут же защебетала трубка девичьим голосом. – Мы сегодня встречаемся или нет?

– Динара? – поинтересовался я у невидимой собеседницы.

– Ну а кто ещё? – тут же возмутилась трубка. – Или ты от кого-то другого звонка ждал?

– От Хлои Морец, – выдал я имя первой пришедшей на ум актрисы прошлого, которая, возможно, уже была популярной в эти стародавние времена, куда я угодил.

– Кто это? – опешила Динара. – Какая ещё Хлоя, Калитенко?!

– Доярка из нашего посёлка... – успокоил я собеседницу. – Полюбовница тренера моего усатого. У него телефон в номере барахлит, и она иногда мне названивает.

– Дудром! – прокомментировала Динара. – Так во сколько встречаемся и где?

– Сил уже сегодня нет куда-то идти, – скорбно сообщил я в ответ. – Только разве что сама заглянешь ненадолго проведать, буду рад.

– Ты чё такой наглый стал, Калитенко? – возмутилась девушка и тут же нелогично поинтересовалась. – Какой номер?

– Триста семнадцатый.

– Через час буду, – заявила Динара, после чего в трубке раздались гудки.

За оставшееся до встречи время я успел смотаться в расположенную недалеко от гостиницы аптеку, где купил презервативы. Продавщица – старая гримза – с видом подавальщицы милостыни сунула мне вместо привычного «Дюрекса» какую-то мерзко упакованную хрень с надписью «Гост», после чего я счёл за благо откланяться.

Вернувшись в гостиницу, я заглянул в ресторан, где купил салатов на вынос и заказал в номер бутылку молдавского красного вина. Стоило оно двенадцать рублей, что с учётом моей финансовой ситуации было дорого. Я, однако, полагал, что обнаруженные мной в потайном кармане джинсов деньги были приготовлены Димой именно для развлечений, поскольку наше с тренером проживание и питание оплачивалось за счёт спортивного комитета области.

Как бы там ни было, к моменту, когда в мою дверь раздался стук, я был полностью готов к встрече гостей, а точ-

нее гостьи... из прошлого. Не знаю, как к Динаре относился сам Калитенко, но лично я после попадания в его тело уже успел в полной мере почувствовать давно забытые желания, когда гормоны буквально атакуют мозг, незамедлительно требуя женщину.

Открыв дверь, я впустил девушку в номер. Одета она была с учётом местных реалий замечательно: на ногах её были чёрные сапожки, колготки, модная кожаная юбка, а на плечах белоснежная шубка – редкий, видимо, дефицит по нынешним временам.

– Что это ты задумал? – подозрительно поинтересовалась Динара, заведя на журнальном столике купленные мной салаты и бутылку вина. – Я пить не буду! – строго заявила она мне.

– Не обращай внимания... – успокоил я юницу. – Через три часа поездом приезжает Хлоя Морец, чтобы поддержать нас с тренером. Ну и все вместе мы отметим мой успех – медали чемпионата.

– Опять эта Хлоя... – прошипела Динара, успевшая снять верхнюю одежду и усесться в одно из двух кресел в комнате. – У тебя с ней было что-то?!

– Как ты могла обо мне такое подумать? – притворно возмутился я, разливая по фужерам вино. – Я, вообще-то, однолюб. Если встречу кого, то буду верен до конца своих дней. Или её.

– Ага, так я и поверила... – прыснула Динара. – Вообще ты

как-то изменился после сегодняшнего боя, – добавила она.

– В лучшую или худшую сторону? – поинтересовался я.

– Краснеть и мямлить перестал!

Примерно через сорок минут болтовни обо всём на свете и пары предложенных мной тостов за то, чтобы я нашел свою любовь, девушка, крепко вцепившись в ремень моих брюк и подставляя губы для поцелуев, бормотала: «Пусти-и-и. Я не такая».

В постели «не такая» Динара оказалась очень страстной, раскрепощённой и довольно умелой, заставив меня хорошенько попотеть. Как часто бывает в подобных случаях, когда меня после завершения основного действия уже потянуло в сон, ей срочно понадобилось услышать мои ответы на добрый десяток вопросов – от «когда ты переберёшься из своей деревни в Казань», до «правда ли, что поедешь на чемпионат Европы, если сейчас выиграешь турнир».

Пришлось на автомате что-то бормотать, но вскоре я всё равно задремал и проснулся только тогда, когда Динара растормошила меня, сказав, что уже поздно и ей пора идти домой. Быстро одевшись и, в качестве вишенки на торте, напялив на себя клетчатое пальто, я отправился провожать девушку.

Жила Динара совсем недалеко – в красивой высотной «сталинке», квартиры в которой получали люди явно непростые. Через несколько минут, договорившись увидеться на днях и чмокнув меня на прощание в губы, девушка поскака-

ла в свой подъезд, а я направился, было, обратно в гостиницу, но пройти успел не больше пятидесяти шагов.

– Стоять! – заступила мне дорогу одинокая мужская фигура, в которой я с некоторым трудом – было уже темно – опознал «самого Илюхина». – Говорил я тебе, что Динара моей будет? Говорил?!

– Что ты там бормочешь? – вежливо поинтересовался я. – Подойди поближе, не бойся. Сильно бить не стану.

Надо сказать, что встретить своего дневного соперника я был очень рад. Саратовский мастер, на мой взгляд, в сегодняшнем бою получил недостаточно «воспитательных мер» за те три минуты и сорок секунд поединка, что я находился в теле Димы Калитенко. Кроме того, стресс пока ещё не в полной мере отпустил меня, несмотря на развлечения с Динарой. Мне было просто необходимо избавиться от напряжения, и подвернувшийся под руку Илюхин, которого я успел крепко невзлюбить и собирался сейчас отделать по-настоящему, подходил для моих целей как нельзя кстати.

– Иди сюда, чучело... – дружелюбно поманил я его. – Я тебе про Хлою Морец расскажу.

– Ах ты, су...а! – бросился на меня невоспитанный мастер спорта, почему-то, в отличие от Динары, совершенно не интересуясь, кто такая Хлоя.

И быть бы славному бою между нами, кабы вдруг откуда-то сбоку мерзкий гнусавый голос не поинтересовался:

– Э-э, чертилы! Вы с какого района?

Наверное, именно с этого момента я и полюбил Казань. Она напомнила мне Бронкс, где я провёл всё своё детство, занимаясь в боксёрском зале одноглазого Мэтью, который стал мне вторым отцом – тренером и наставником. Уличные драки и даже поножовщина в этом полном криминальных разборках районе до определённого момента жизни были естественной средой моего обитания, и гнусавый казанский отморозок, бесцеремонно вмешавшийся в мою с Илюхиным разборку, вызвал у меня лишь ностальгическую улыбку.

– Чё лыбишься, как параша? – тут же отреагировал голос. – Зубы лишние, что ли? Так мы с пацанами сейчас это исправим!

– Исправите-исправите... – успокоил я гнусавого, поворачиваясь к нему лицом. – Сейчас вы всё исправите.

Их было шестеро. Чуть впереди с непокрытой головой стоял и с вызовом смотрел на меня плюгавый белобрысый «вьюнош», нашего с Илюхиным, примерно, возраста. Остальные пятеро, в отличие от своего предводителя, были крепкими по виду ребятами в шапках-ушанках, и некоторые из них выглядели старше нас на пару-тройку лет.

– Ну чё, чушпаны! – радостно ощерился гундосый. – Под кем ходите?

В этот момент «ожил» Илюхин, которому вся эта клоунада не давала помахать со мной кулаками за свою ненаглядную Динару.

– Свалили отсюда по-быстрому! – рывкнул он в сторону

гопников. – Я повторять не стану!

– Чё сказал?! – мгновенно разнервничался из-за Илюхинского хамства белобрысый. – Гасим этим чертей, пацаны!

Но прежде, чем пацаны кинулись гасить «этих чертей», саратовский мастер, у которого, как и у меня, был явно не самый лучший день в жизни, окончательно слетел с поводка и, метнувшись в толпу, пробил классическую «двойку» в голову ближайшего к нему гопника. Носитель ушанки, призванной сыграть, по всей видимости, защитную роль, не издав ни звука, рухнул Илюхину под ноги, как подрубленное дерево.

Заволновавшись, что всё веселье пройдёт без меня, я тоже кинулся в толпу, успев, при этом, заметить, что гундосый предводитель что-то, очевидно, смекнул под впечатлением от Илюхинского мастер-класса и потому со скоростью молнии спрятался за спинами своих собратьев по разуму.

«Ловкий какой гадёныш», – восхитился я, отправляя первую попавшуюся мне «ушанку» в нокдаун. Несмотря на наличие шапок, физиономии наших с Илюхиным соперников начали трещать по полной программе, поскольку удары по неразумным головам сейчас совершались голыми и набитыми кулаками.

Через пару секунд белобрысый «смельчак», спрятавшись за ближайшим деревом, принялся с упоением комментировать события и направлять своих избиваемых товарищей.

– Дися! Дися-я-я! – вопил он. – Заходи клетчатому за спину! За спину! Э-э-эх, Дися... Ринат! Рина-а-ат! Вспомни, че-

му я тебя учил! Ох, бл...!

Несколько мгновений спустя и Дися, и Ринат, и безымянный третий «воин света», геройски пав от моих кулаков, лежали на мёрзлой земле, изредка подрагивая конечностями. Быстро оглянувшись на Илюхина, я, к своему удивлению, увидел, что он всё ещё продолжает драться с последним из оставшихся на ногах противников, не считая, конечно, их пронырливого вожака.

Соперник саратовского мастера был явно непрост. Высокий и плечистый, он, очевидно, раньше немалое время занимался боксом и сейчас умудрялся, пропуская удары, стоять на ногах и даже изредка бить в ответ. Не став дожидаться, пока закончится этот «спарринг», я спокойно подошёл сбоку и всадил левый «хук» гопнику в область печени, а проводивший очередную атаку Илюхин от души добавил негибавшему сопернику левый боковой и правый апперкот в голову.

– Нече-е-е-стно! – тут же загундосили из-за дерева. – Двое на одного, садисты!

– Так пожалуйста в «Красный крест», скотина! – кинулся к предводителю гопников саратовский мастер, но тот так резко стартовал из своего укрытия, что даже легендарный Усэйн Болт, при всём желании, вряд ли смог бы его догнать.

– Я тебя запомнил, клетчатый-ы-ы-й! – через несколько секунд раздался от улепётывающего отморозка слабеющий крик, а затем он, отбежав ещё дальше, неожиданно завопил. – Милицы-и-и-я! Спаси-и-и-те! Убиваю-ю-ют!

Переглянувшись с Илюхиным, мы, не сговариваясь, кинулись в разные стороны, оставляя за спиной разгромленных в пух и прах гопников.

Глава 3

Следующим утром я проснулся довольно поздно – сказывался пережитый накануне стресс, несмотря на то, что частично я смог избавиться от его последствий, благодаря сначала Динаре, а затем напавшей на нас с Илюхиным банде отморозков.

Решив немного поваляться в постели, я принялся составлять планы на будущее. Впрочем, как и в своей прошлой жизни, я не увидел никаких иных перспектив, кроме как заняться любимым делом – стать профессиональным боксёром.

Я плохо знал историю СССР, но, тем не менее, припомнил, что развалился он то ли в конце 1991-го, то ли в начале 1992-го года, а, значит, в самом скором времени у меня будет возможность покинуть страну Советов и вечно дефицита. Но до момента отъезда для будущей карьеры было бы полезным выиграть какой-нибудь громкий любительский титул, начав, хотя бы, с Чемпионата страны.

В этот миг, прервав мои размышления, кто-то начал активно ломиться во входную дверь, распахнув которую, я узрел красную физиономию Колыванова.

– Чего не открываешь?! – с порога заорал усач и, бесцеремонно отодвинув меня пузом, вошёл в комнату, где немед-

ленно разглядел следы моего свидания с Динарой, в виде неубранной бутылки вина и недоеденных салатов. – Так, значит, ты к полуфиналу готовишься?

– Да, понимаешь, Василич, тут такое дело... – начал я что-то на ходу выдумывать, но старый чёрт сразу меня оборвал.

– Знаю я твоё дело, кобелина! Опять за старое взялся, раскудрит твою через коромысло! Дежурная по этажу, эта святая женщина, рассказала мне, как ты всю ночь туда-сюда шастал с многочисленными проститутками!

– Да я...

– Хватит, я сказал! – кипел наставник. – Быстро на пробежку, а потом завтракать!

Решив до поры не портить отношения со своим чудо-тренером, я натянул на себя спортивную форму, дерьмового качества кроссовки и поплёлся к выходу, мимо сидящей на этаже вредной бабки, которая, когда я проходил мимо, ехидно пробормотала: «Развратник!» и неожиданно мне подмигнула. Содрогнувшись, я рванул на улицу.

К этому времени Солнце взошло уже высоко, погода стояла безветренная, и, несмотря на самое начало февраля, в воздухе чувствовалось приближение весны. Постояв несколько секунд перед входом в гостиницу и составив примерный план утренней пробежки, я был отвлечён приблизившейся ко мне группой подростков под предводительством молодой фигуристой красотки. Поравнявшись со мной дамочка, по всей видимости, решила как-то оживить окружающий сон-

ный быт и неожиданно громко и задорно крикнула:

– Кто шагает дружно в ряд?!

– Пионерский наш отряд! – вторя ей, заорали, как сумасшедшие, дети, отчего я чуть не подпрыгнул на месте.

– Да заткнётесь вы, сволочи, когда-нибудь или нет?! – через пару секунд истошно завопил с балкона второго этажа находящейся через дорогу «хрущёвки» старый дед, потрясая в воздухе клюкой. – Управы на вас нет, нахрен ётить! Или вы меня решили до второго инфаркта довести, нахрен ётить?! – взывал он к совести юных ленинцев.

– Сильные! Смелые! Ловкие! Умелые! Ты шагай, не отставай... – в ответ ещё громче взвыли пионеры, полностью игнорируя претензии старика. Одна из девочек в конце колонны, при этом, кинула на меня совсем недетский взгляд и демонстративно облизала губы.

«Да, зажигали наши предки», – в очередной раз убедился я и всё-таки направился в сторону бульвара, по которому уже давно должен был совершать пробежку.

Сделав разминку, вскоре лёгкой трусцой я стартовал по одной из дорожек, постепенно увеличивая скорость движения. Лёгкие работали, как заправские кузнечные меха, насыщая кровь кислородом. С каждым шагом крепло ощущение, что Дима поддерживал себя в отличной физической форме, и только недостаток знаний, техники и опыта не позволял ему подняться выше кандидата в мастера. Впрочем, со временем, он, возможно, стал бы неплохим боксёром, но «сам

Илюхин» умудрился выбить из Калитенко дух.

Побегав минут тридцать и совершив несколько подходов к перекладине для подтягиваний, я, в качестве завершающего штриха к утренней тренировке, начал делать «заминку», растягивая мышцы тела. Неподалёку на скамейке, тем временем, пристроились две бабульки в чёрных валенках, оживлённо что-то обсуждавшие. От них то и дело долетали слова «убивцы», «хулиганы», и я, заинтересовавшись, немного приблизился к лавочке, продолжая успокаивать натруженные мышцы.

– Я тебе, как есть говорю, Даниловна, всю ночь милиция туда-сюда с собаками бегала, бандитов этих страшных искала! – тараторила одна из бабок, горделиво сверкая одним из признаков «качественной» местной медицины – золотым зубом во рту.

– Да ты шо? Ай-яй-яй! – вторила ей товарка. – А кто-ж пострадал-то?

– Так ты слушай! Мальчик белобрысенький с ними был! Я с балкона всё слышала: рыдал парнишка жалобно и про напавших на него с друзьями головорезов милиционерам всё как есть рассказывал!

– Ой, что делается! – запричитала Даниловна. – На улицу нонче страшно выйти!

– Теперь запомни главное: самый-пресамый душегубец и маньяк был в модном клетчатом пальто! – завершила свою захватывающую историю рассказчица, после чего подозри-

тельно уставилась на меня, остолбеневшего от такой информации. – Что вылупился? – вежливо переключилась на мою скромную персону златозубая нимфа.

– Да я, бабушка, ухожу уже, – попытался успокоить я старую каргу, начиная движение в сторону гостиницы. – Спортом здесь занимаюсь, время от времени.

– Вот и иди, давай! – напутствовала меня собеседница. – От вас, спортсменов, один вред стране – то на Запад сбегаете, к капиталистам треклятым, то в банды сбиваетесь. Житья от вас нет трудовому народу!

Через пару часов мы с тренером поехали в местный боксёрский зал для ещё одной тренировки. Колыванов за это время сильно подобрел и уже не смотрел на меня лютым волком.

– Ничего, ничего, Дима, – бубнил он. – Завтра уработаешь Тумикяна, и мы в финале! А там, глядишь, и чемпионом Союза станешь. На Европу поедем!

Под его мечтательное бормотание я переоделся в спортивную форму, провёл лёгкую разминку и немного попрыгал со скакалкой. Затем, натянув перчатки, направился к основной тяжёлой груше и начал вспоминать и отрабатывать сначала одиночные удары, а затем перешёл к трёх- и четырёхударным связкам.

Колыванов, тем временем, отошёл к тренеру в зале и что-то с ним обсуждал, время от времени, похохатывая. Вокруг кипела обычная боксёрская жизнь – кто-то, как и я, работал

с грушой, два легковеса в ринге проводили спарринг, некоторые прыгали со скакалками, ещё один парень вёл бой с тенью.

Вскоре я увлёкся настолько, что звуки наносимых по мешку ударов слились в однообразный гул, и я, продолжая бомбардировать грушу, погрузился в воспоминания о том, с чего начался мой спортивный путь в прошлой жизни.

Мне было десять, когда родители переехали в США из Сербии, но за каким-то чёртом мой отец решил поселиться именно в Нью-Йорке, а, поскольку недвижимость в этом мегаполисе стоила заоблачных денег, дом наша семья могла себе позволить только в наполненном криминалом Бронксе. И вот я отправился в новую школу...

– Дима, ты так сильно не бей, – отвлек меня ценным советом «усатый нянь». – Побереги силы.

– Хорошо, хорошо, тренер, – успокоил я его, и он отвалил.

Итак, новая школа, новые возможности, ха-ха. В первый же день гостеприимные одноклассники после уроков начистили мне физиономию за то, что «свинья и то говорит по-английски лучше, чем ты, Казанский». Особенно усердствовали двое – ловко махавший ногами китайчонок Стю Чен и его латинос-приятель Хорхе. Что связывало двух этих дебилов, не спрашивайте, сам не знаю, но они почти всегда держались вместе. По-английски эти двое, кстати, говорили, не сильно лучше меня, но факт есть факт – поколотили меня тогда крепко.

Добравшись домой в слезах и соплях, я обо всё рассказал сначала своей матери, а затем и вернувшемуся вечером с работы отцу. Что связало моих родителей в своё время, я тоже, кстати, не понимал – он был заумный программист, она – ослепительная красавица, но, как бы там ни было, семья наша была крепкой, и, более того, я даже не помню каких-то серьёзных ссор между ними. В тот вечер отец ничего мне не сказал, но через несколько дней он взял меня за руку и отвёл в боксёрский клуб, где познакомил с одноглазым Мэтью, который и сыграл определяющую роль в моей судьбе.

В общем, я решил не откладывать дело в долгий ящик и начал заявляться на тренировки шесть дней в неделю – уж слишком велико было моё желание перестать получать по шее. Вечно жующий Мэтью, однако, дал мне ряд заданий на улучшение физических кондиций и общей координации, после чего, казалось, обо мне забыл.

Меж тем, после приветственного избиения меня какое-то время не трогали, и вскоре порядки в классе, куда я угодил, стали ясны, как Божий день. Всеми делами в нашем «дружном» коллективе заправляла состоящая из пяти-шести человек группа отморозков под руководством упомянутых Чена и Хорхе, которые, насмотревшись снятого несколько лет назад, но всё ещё безумного популярного среди американских подростков сериала «Кобра-Кай», вообразили себя крутыми каратистами, которым сам чёрт не брат. Отсюда вытекало это их безудержное стремление махать ногами и лупить окружа-

ющих по поводу и без. Поговаривали, что даже ребята старше на три-четыре года старались держаться от моего, прости Господи, класса подальше.

Тем временем, прошли две недели тренировок, и в какой-то момент наставник, который, как я думал, не вспомнит обо мне уже никогда, внезапно взял меня за плечи, подвёл к груше и потребовал нанести удар. Я исполнил, как мог.

– Нет и нет, пацан! – тут же взревел Мэтью. – Не толкай, а бей!

Тогда я нанёс ещё несколько ударов, представив на месте мешка ненавистную рожу Чена.

– Шлёпаешь, как грёбанный хиппи! – «похвалил» меня наставник. – Бить надо не руками, а всем телом, доворачивая корпус. Только так ты сможешь нанести по-настоящему мощный удар! – продолжил он, после чего долбанул по груше с такой силой, что у Чена, наверное, оторвалась бы голова, окажись она на месте спортивного снаряда. – Повтори! – потребовал тренер.

Я попробовал действовать по-новому, помогая руке корпусом и даже поворотом ноги, и действительно ощутил, как выросла мощь удара.

– Ну как-то так, – прокомментировал мои потуги наставник. – Может из тебя и выйдет толк, пацан.

С того дня Мэт начал меня учить.

– Дима, заканчивай! – вновь оторвал меня от воспоминаний Колыванов. – На сегодня достаточно.

Обратный путь в гостиницу превратился в настоящую пытку. Всю дорогу «усатый нянь» сверлил меня подозрительными взглядами и противно нудел, что я «нахватался в этой Казани всякой пошлятины, с такими нелепыми комбинациями место тебе не на ринге, а в цирке, и нечего из себя строить Влада Цзю».

До какого-то момента я предпочитал не спорить, но за последнюю фразу поневоле зацепился:

– Какой ещё Влад Цзю?

– Ещё раз так пошутишь, я тебя точно к доктору отведу, и никакие уговоры не помогут! – тут же взвился вздорный старик. – Тот Влад Цзю, который действующий чемпион Союза в первом полусреднем весе! Тот Влад Цзю, с которым вы вчера зубоскалили в раздевалке!

– Ах, этот Влад, – мало что понял я, но предпочёл не злить своего и без того раскрасневшегося наставника. – Ты это, Василич, не волнуйся! Говорят, нервные клетки не восстанавливаются.

– Похожи мне ещё, – взбрыкнул напоследок Колыванов, и, наконец, заткнулся.

Остаток пути я раздумывал, куда же всё-таки угодил. Это явно был СССР, 1991 год, но ведь Цзю носил имя Костя, а никак не Влад. В этом я был полностью уверен. Но что тогда? Какой-то другой мир? Параллельная вселенная?

Так толком и не придя ни к какому выводу, я, в конце концов, добрался до гостиницы, где после ужина Колыванов

забрал из моего номера телефон, громогласно заявив, что «сегодня надо отдыхать, а не куролесить с проститутками, раскудрит твою через коромысло».

Глава 4

Солнечным днём пятого февраля 1991 года мастер спорта СССР Михаил Тумикян, г. Ереван, после первого раунда полуфинального поединка тяжело плюхнулся на загодя подставленный секундантом стул.

– Я тебе все два дня последних говорил, что он не так прост! – тут же накинулся на боксёра его наставник, опытный Зураб Матинян. – А ты заладил: КМС, КМС! Получил, бл...?! Получил?!

Матинян остервенело замахал полотенцем. – Соберись, Миша! Христом Богом тебя прошу, соберись! Клинчуй, если надо, но добудь эту победу, иначе не видать нам заграницы, как своих ушей!

Слушая наставника, Тумикян лишь угрюмо сопел. «Победи, ага. Тут бы выжить сначала. Откуда ты только взялся, Калитенко?».

В это же время в противоположном углу ринга светящийся от самодовольства «усатый нянь» лил мне в уши свой елей:

– Вот что значит начал к советам тренера прислушиваться, Дима! Вот что значит отдохнул нормально, раскудрит твою через коромысло! Никаких тебе гулящих девок, и дело в шляпе!

– Ди-и-и-м-а-а! Ди-и-и-и-м-а-а! – заставив меня улыбнуться, раздались именно в этот момент громкие крики поддержки от Динары и её подруг, традиционно занявших места в зрительном зале. Василич, будто отведав кислющий лимон, скривил свою физиономию, после чего начал доносить до меня «ценные» замечания по тактике на второй раунд. С трудом вытерпев его нудёж, я через десяток секунд проворно вскочил на ноги и радостно заспешил подальше от него и навстречу уныло приближающемуся Тумикяну. Начался второй раунд.

Впрочем, внешний вид мастера из Еревана лишь вводил окружающих в заблуждение – настроен он был решительно и сразу после гонга вновь предпринял попытку атаковать меня серией ударов, как неоднократно делал в первом отрезке поединка. Закончилось всё по схожему сценарию: легко разорвав для начала дистанцию и дав ему возможность впустую помахать руками, я переиграл оппонента «на ногах», сместился вправо от него и наградил Тумикяна очередной «двойкой» в голову.

– Да начнёшь ты сегодня нормально боксировать или нэ-эт? – с акцентом прокричал моему сопернику кто-то из зрительских рядов под оханье и аханье остальной публики.

– Ты глянь, Калитенко как прибавил в последнее время... – донёсся до меня через секунду интересный обрывок разговора со стороны важных дядек в красных тренировочных костюмах с надписью «СССР» на спине, которых я приме-

тил, когда ещё входил в зал.

Я, тем временем, сменил стойку на левостороннюю и подмигнул Тумикяну: давай, дескать, попробуем так, для разнообразия. Тот, однако, явно пал духом и теперь подчёркнуто осторожно, если не боязливо, кружил вокруг меня, занявшего центр ринга, лишь изредка пытаясь выбрасывать в мою сторону медленные как медитирующая черепаха джебы.

Так и не дождавшись в следующие две минуты от оппонента активности, я резко сблизился с ним и провёл несколько атак, заставив ереванского мастера судорожно отступить к канатам. Гонг об окончании раунда совпал с очередным чистым попаданием в голову Тумикяна, который после этого с трудом поплёлся в свой угол.

Не менее обречённо в противоположную сторону отправился и я, и ожидания меня не обманули.

– Что это такое? – накинулся на меня Колыванов, стоило мне только присесть. – Руководство сборной здесь, представители Минспорта тоже! Что ты им показываешь? Что за обезьяньи ужимки, я тебя спрашиваю?

– Василич, не учи меня боксировать! – не сдержался я. – Мы побеждаем, так чего ещё тебе надо?

«Усатый нянь» тут же надулся, будто воздушный шар, готовый улететь в небеса, но, к счастью, не решился орать, как оглашенный.

– Умный стал... – буркнул он только, после чего замолчал и лишь обмахивал меня полотенцем, словно задавшись це-

лью обеспечить мне простуду на день финального поединка. Вскоре я вскочил со стула и направился к центру ринга, но перед этим по-дружески несильно ткнул вздорного старика перчаткой в бок.

– Давай, Дима! – напутствовал меня разом подобревший «нянь», и я-таки дал. В третьем и заключительном раунде полуфинала мастер спорта Тумикян за три минуты, превратившиеся для него в вечность, успел обтереть своей потной майкой все углы ринга. Действия его сводились лишь к постоянным попыткам клинчевать, мною легко пресекаемым резкими отходами то назад, то в стороны.

В довершение я хорошо попал ему в печень, после чего армянский боксёр привстал на одно колено, и судья в ринге под визг зрителей открыл счёт. Впрочем, Тумикян был не робкого десятка и смог-таки подняться, но лишь затем, чтобы услышать гонг об окончании поединка.

– Ди-и-и-ма! Ди-и-и-ма! – тут же заскандировали девчонки, к которым присоединились и другие болельщики. Я по традиции легонько поклонился зрителям и отправился к улыбающемуся во весь рот Василичу, забывшему хотя бы ненадолго о своих нравоучениях.

После того, как меня объявили победителем поединка, и я пожал руки своему сопернику и его грустному тренеру, мы с Колывановым, светившимся, словно новогодняя гирлянда, спустились в зал, где к нам шустро приблизилась та самая группа важных дядечек, которую я заметил перед боем.

– Не вздумай хамить... – шепнул мне «нянь» и кинулся навстречу начальству. «Зачем бы мне хамить», – только и успел подумать я, после чего наткнулся на откровенно враждебный взгляд одного из приближающихся функционеров. Сразу захотелось заехать ему по физиономии, но для начала неплохо было уточнить, кто это вообще такой. Остальные чиновники, впрочем, смотрели на меня с любопытством и, скорее, дружелюбно.

– Зачем же ты, Владимир Васильевич, от нас такой талант скрывал? – с улыбкой обратился к Колыванову шедший во главе группы высокий седовласый мужчина лет пятидесяти. – Мне, как тренеру сборной, следовало бы знать, что ты умудрился у себя в Пензе универсала вырастить!

– Стараемся! Работаем, так сказать! – засиял, как начищенный пятак «усатый нянь», после чего подтолкнул меня вперёд. – Дима, познакомься!

– Валеев Сергей Николаевич, – дружелюбно пробасил тренер сборной, после чего крепко пожал мне руку. – Я смотрю, ты прибавляешь от боя к бою!

– Спасибо. Осталось победить в финале, а потом можно и в сборную, – поблагодарил я здоровяка, вызвав добродушный смех собравшихся, который, впрочем, через секунду был прерван вылезшим вперёд остроносым недоброжелателем.

– Ты выиграй сначала... – с начальственной ленцой протянул тот, – а потом хвалиться будешь. Матусевич – двукрат-

ный призёр чемпионата Европы, а ты пока даже не мастер спорта.

– Ну, насчёт звания – это уже формальности, – немного сгладил ситуацию Валеев. – Норму Дима выполнил ещё в прошлом бою, а как получится в финале, мы увидим послезавтра.

– Посмотрим... – снова вылез остроносый, привыкший, видимо, оставлять последнее слово за собой, любимым.

Сразу после этого Василич раскланялся с собравшимися и поволок меня к выходу из зала, стараясь как можно быстрее проскочить мимо Динары и её подруг, ожидавших в проходе. Динаре, впрочем, все его потуги никак не помешали повиснуть у меня на шее, стоило только мне оказаться в непосредственной близости от неё.

– Димочка, ты такой молодец! – начала с похвалы девушка. – Но если трубку не будешь брать, то я тебя задушу!

– Пойдём, Дима, – тут же влез несносный Колыванов. – Некогда нам тут лясы точить со всякими!

– С какими ещё всякими?! – тут же взвилась Динара. – Вы сами-то кто вообще такой?

– Я, девонька, близкий друг его будущего тестя, – нагло заявил усатый гад. – Вот станет Дима чемпионом, да и женится. Всё сговорено уже!

Я буквально физически ощутил, как девушка изготвилась вцепиться Василичу в глаза, и мне стоило немалых трудов удержать её.

– Динара, это мой тренер Владимир Васильевич, и он большой шутник, – торопливо выдал я. – Я его иногда даже «бароном Мюнхгаузеном» называю, а он и не обижается! Звони вечером и поговорим, а сейчас, и правда, надо идти.

Немного оттаяв, девушка напоказ чмокнула меня в губы, умудрившись в то же время пребольно ущипнуть.

«Спасибо тебе, чёрт старый! – думал я, направляясь за усатым злодеем в направлении раздевалки. – Не было печали, так тебе непременно надо было выступить».

По дороге в гостиницу Колыванов прояснил ситуацию с недоброжелательным остроносом. Им оказался начальник отдела Спорткомитета СССР Денис Павлович Кравцов, который приходился моему будущему сопернику по финальному поединку Матусевичу родным дядей.

– Так что с судейством послезавтра будет полный швах, – бубнил на ходу Василич. – Не говоря уже о том, что Матусевич много тебя опытней.

Эта фраза вызвала у меня невольную улыбку, завидев которую «нянь» только махнул рукой. – Эх, молодёжь. Один ветер в голове!

Вскоре после этого произошло событие, которое заставило меня невольно содрогнуться. Когда мы уже почти подошли к гостинице, мой взгляд словно магнитом притянула стойка с размещёнными под стеклом сегодняшними газетами, в одной из которых крупными буквами был напечатан заголовок центральной статьи номера – «Душегуб ходит в

клетчатом».

«Дьявол носит Prada», – хохотнул я, после чего меня осенило, что речь в заметке может идти обо мне. Попросив Василича подождать, я метнулся к находящемуся поблизости киоску «Союзпечати» и купил сегодняшние газеты. Затем с чувством исполненного долга вернулся к своему ворчливому тренеру, и буквально через пару минут мы вошли в гостиницу.

На этаже, к счастью, давешнюю зловредную бабку сменила доброжелательная женщина средних лет, так что проблем для моих вечерних планов хорошо отдохнуть с Динарой со стороны дежурной не предвиделось.

В номере, оставшись один, я наконец-то смог просмотреть прессу в поисках заинтересовавшей меня статьи. Заметка была напечатана в местной газете «Казанская звезда» на первой странице:

«Поздним вечером третьего февраля группа юных комсомольцев направлялась в отделение милиции Вахитовского района Казани. Ребята решили посвятить себя борьбе с криминалом и примкнуть к рядам дружинников для защиты спокойствия граждан нашего города.

Однако на своём пути им было суждено повстречать самое настоящее зло – целую толпу распоясавшихся молодчиков, напавших на представителей коммунистической молодёжи сзади. Главарь преступной группы, одетый в модное клетчатое пальто, узнав, что перед ним комсомольцы, сначала дол-

го словесно глумился над священными для всего общества идеалами марксизма-ленинизма, а затем отдал приказ своим подручным избить будущих дружинников.

Корреспонденту «Казанской звезды» удалось пообщаться с одним из пострадавших – Валентином Соболевским. Юный комсомолец сообщил, что достойный отпор бандитам не удалось дать из-за их численности: нападавших, по его словам, было не менее пятнадцати человек.

Сам Валентин не пострадал лишь чудом. Он храбро сражался, прикрывая собой других ребят, и даже сумел запомнить двоих преступников, в том числе главаря. Поиском нападавших сейчас занимается милиция, и мы уверены, что они будут найдены и понесут заслуженное наказание, в рамках социалистической законности.

Тебе же, подонок в клетчатом пальто, редакция нашей газеты хочет сказать, что мы будем внимательно следить за ходом следствия и не прекратим это делать до тех пор, пока ты не окажешься в местах лишения свободы. Сила в правде, а правда – на нашей стороне!

Специальный корреспондент Г.Чмутин».

«Ловкий какой борзописец, – подумал я. – В девяностые далеко пойдёт».

Глава 5

Соболевскому было страшно.

Глядя в налитые кровью глаза Карпа, он сильно потел и

переминался с ноги на ногу. Мучительная пауза длилась уже секунд тридцать, и всё это время Валентин судорожно перебирал возможные ответы на те вопросы, которые непременно задаст Карпухин. Наконец, последний прервал молчание:

– Я тебя, идиота, куда с бойцами отправлял? В кооператив «Восход»? Давно пора их прижать и заставить делиться. А ты вместо этого что устроил?

– Карп, да я...

– Не называй меня так, гнида гнусавая! – заорал Карпухин. – Карп я только для своих, а для тебя – Олег Васильевич!

– Так мы же родня... – попытался защититься Соболевский, но немедля осёкся, заметив, как опасно сузились глаза его собеседника.

– Родня... – презрительно выпятив губу, процедил тот, – седьмая вода на киселе. Рассказывай подробно, как всё было и не вздумай врать!

Валентин спешно затараторил, пытаясь поначалу обходить острые углы, но после пары окриков со стороны главаря выложил всю правду.

– Придавить бы тебя, гадёныш, – констатировал Карп, внимательно всё выслушавший. – Мало того, что ты, положив на все понятия, к ментам побежал, так ещё и это!

Главарь неожиданно схватил со стола свёрнутую в трубку газету и с силой нанёс ею несколько ударов по комсомольскому лицу. – Это что такое? Что это? Что это, я тебя спра-

шиваю? – орал Карпухин, охаживая Валю свежим номером «Казанской звезды», от чего бледная физиономия последнего стремительно покрывалась розовыми пятнами.

– Олег Васильевич, да я не виноват! – выпалил Соболевский, дождавшись секундной паузы в процедуре экзекуции. – Это журналюга всё переврал! Я когда с милицией общался, он свою собаку выгуливал. Ну и подошёл к нам, дескать «а что случилось?»...

– Ну, а ты всё и разболтал, крысёныш, – закончил за собеседника немного успокоившийся Карп. – Ладно, слушай сюда. То, что писака про тебя в прессе статью тиснул, нам может и в масть сыграть. Ты теперь у нас борец с преступностью! Пламенный комсомолец, бл...-муха! – хохотнул главарь. – Может даже получится тебя по партийной линии наверх двинуть. Будешь нас от ментов прикрывать.

– Да... – угодливо хихикнул Валя. – Мы тогда ух как развернёмся...

– Рот закрой! – снова взбеленился Карп. – Я шас говорю! Соболевский испуганно осёкся и принялся молча поедать глазами главаря, не решаясь даже шелохнуться. Однажды он стал свидетелем расправы Карпухина над неугодным подручным и теперь отчаянно боялся повторить судьбу несчастного. Наконец, Карп продолжил:

– Далер сказал, что из-за твоей тупости вы нарвались на очень крутых бойцов. Он, как ты сам знаешь, спортсмен бывший, боксёр-перворазрядник. Так один из «терпил», кото-

рых вы решили нагнуть, метелил его с такой силой, что у Далера теперь не лицо, а отбивная. А твой «клетчатый» вообще троих наших за несколько секунд положил, пока ты, гнида, за деревом прятался.

Карпухин сделал небольшую паузу, ещё раз всё взвесил и озвучил своё решение:

– Носом землю ройте, но найдите этих двоих раньше ментов! Такие бойцы, если они ни с кем не связаны, нам самим пригодятся. Ну, а если они из «южных» или «заводских», то придётся их грохнуть, иначе пацаны не поймут. Ты лично, падла, их исполнишь, а я прослежу!

Услышав это, Валя затрясся, как осиновый лист, но, зная крутой нрав Карпа, возражать не осмелился. Только сейчас он начал понимать, в какую беду его завёл собственный язык, когда он так неосмотрительно решил нагнуть «лоха» в клетчатом пальто...

* * *

Стоило мне только прочесть сегодняшние газеты, как в номер вломился осточертевший Василич, торжественно несший на вытянутых руках допотопный телефонный аппарат, который днём ранее у меня же и забрал.

– Наконец-то! – заявил старик, воткнув шнур в розетку. – О нас вспомнили, Дима! Сейчас будет звонить товарищ Петрищев из Пензенского обкома, поздравлять тебя с медалью.

Глядя на мою недоумевающую физиономию, «нянь» пояснил:

– Намекнёшь ему на проблемы с жильём, и квартиру тебе, оболтус, дадут быстрее. А если женишься на Марфуше, то и вовсе получишь двухкомнатную!

Не успел я открыть рот, чтобы послать усатого гада по-дальше, как телефон, доселе спокойно стоявший на тумбочке, душераздирающе зазвенел.

– Петрищев Сергей Валерьевич, – успел просветить меня Колыванов, после чего схватил трубку с рычагов и сунул её мне.

– Дима, приветствую, – тут же услышал я напористый и немного хриловатый голос невидимого собеседника, – это Петрищев Сергей беспокоит. От имени и по поручению первого секретаря обкома партии товарища Калявина поздравляю тебя с завоеванием медали чемпионата СССР!

– Спасибо... – ответил я, уловив паузу в речи чиновника, – и Вам, и товарищу Калявину.

– Тебе спасибо! – тут же отреагировал Петрищев. – Ты ведь у нас первый призёр в таком турнире за последние пятнадцать лет. Так что имей ввиду – мы ждём твоего возвращения в Пензу...

Не успел я понять, к чему он клонит, как энергичный собеседник развил свою мысль:

– Вокруг тебя уже начали суетиться «покупатели» из других регионов? Золотые горы сулить, и всё такое? Если нет, то скоро начнут. Поэтому твёрдо знай – мы о тебе не забываем и любые вопросы, в том числе жилищные, решим на раз-два!

Поблагодарив Петрищева ещё раз, я распрощался и положил трубку.

– Ну?! – нетерпеливо уставился на меня «нянь». – Что он тебе сказал?

– Василич, дай отдохнуть, в конце концов, – возмутился я. – Завтра обо всём поговорим.

Услышав это, усатый кровопийца принял вид оскорблённой добродетели, кряхтя, поднялся из кресла и безмолвно покинул комнату, демонстративно подволакивая ногу. Никакой хромоты раньше я у него, к слову, не замечал, так что на будущее сделал себе зарубку в памяти ещё и об актёрских талантах моего чудо-тренера.

В следующие пару часов я отдыхал и вновь прикидывал планы на будущее. По всему выходило, что сразу после окончания турнира мне следовало поскорее уезжать в Пензу, поскольку в Казани меня искала вся городская милиция.

В углу древний ламповый телевизор что-то бубнил о росте надоев молока и о происках коварного Запада, задумавшего это самое молоко у СССР непременно забрать, вкуче со всеми остальными ресурсами и богатствами. Под эти занимательные рассказы меня вскоре потянуло в сон, и я непременно заснул бы, если бы гадский телефон не затрезвонил опять. Звонила Динара.

– Спишь? – каким-то чудом угадала она. – А я к тебе в гости собираюсь. Пустишь?!

– Да, конечно, – зевая, согласился я. – Салатов по пути

захвати каких-нибудь.

– Наглый, капец, – возмутилась девушка. – Скоро буду.

Её «скоро» растянулось на добрых два часа, и первым, что она произнесла, переступив порог моего гостиничного номера, стало:

– Так что там за невеста, Калитенко? Я не поняла.

Пришлось срочно что-то выдумывать, а главной линией моей защиты был тот факт, что так называемую «невесту» я практически ни разу и не видел. Суцая правда, к слову.

Неотрывно глядя на меня «детекторами лжи» серого цвета, девушка, вроде бы, пришла к выводу, что я не лгал, постепенно смягчилась, и дальнейшее общение стало развиваться по сценарию двухдневной давности.

Вечерние проводы Динары домой на этот раз прошли без каких-либо приключений – улицы были темны и совершенно безлюдны. И всё же, когда я уже развернулся спиной к её подъезду и сделал несколько шагов, меня словно кольнуло под лопаткой. На улице не прибавилось ни одного человека, но кто-то явно поедал меня глазами. И каким-то шестым чувством я понимал, что этот кто-то был мне совсем не друг.

На следующий день, когда мы с Василичем приехали в спорткомплекс для тренировки, я увидел то, о чём Петрищев талдычил по телефону. Интерес к моей персоне у окружающих вырос невероятно.

Как только я переделался в спортивную форму и вошёл в тренировочный зал, совершенно незнакомые боксёры со

всех сторон кинулись пожимать мне руку, хлопать по плечу и желать удачи в финале.

– Матусевич, кстати, волнуется, – хохотнул кто-то. – Ты, Димыч, для всех тёмная лошадка!

– Ага, реально нервный ходит, – тут же подтвердил другой спортсмен. – Он понять не может, правша ты или левша.

– Да я и сам не всегда понимаю, – повеселил я собравшихся. – Хотя Василич утверждает, что правша.

Помянешь чёрта, он – тут как тут. Вздорный старик, материализовавшийся буквально из воздуха, разогнал всех меньше, чем за пять секунд, после чего, сердито на меня уставившись, сунул мне в руки скакалку. Пришлось начать тренировку.

Вскоре привычный процесс поглотил меня целиком, и я, работая по боксёрскому мешку, вновь погрузился в воспоминания...

После второй недели обучения Мэт организовал мой поединок с пареньком из нашего зала, который был на пару лет меня старше, немного тяжелее и прилично выше ростом. Дилан – так звали мальчишку – занимался уже больше года и ближе к концу первого раунда основательно расквасил мне нос.

В перерыве растерянно глядя на кровь, которая часто капала на полотенце, я пытался понять, что делать дальше. В этот момент ко мне приблизился Мэт, сурово на меня взглянул и спросил:

– Ну что, пацан, останавливаем бой или хочешь продолжить?

– Я... готов продолжить, – замаявшись на секунду, упавшим голосом сказал я. Мне почему-то казалось, что так легко пустивший мне кровь Дилан в следующем раунде меня просто прикончит. И всё же я решился биться дальше и в этот самый момент словно переступил в себе какую-то черту.

– Молодец, Тим! – впервые назвав меня по имени, расцвёл вечно суровый тренер, а затем неожиданно заявил. – Спарринг окончен!

В следующие две недели Мэт ставил мне удар, требуя, чтобы в момент, когда я бил по тяжёлой груше, я старался её не толкнуть, а словно пробить на глубину своего кулака, после чего руку требовалось обязательно остановить. На долю секунды костяшки пальцев должны были чуть ли не прилипнуть к боксёрскому мешку. Когда же не получалось, Мэт требовал начинать заново, добавляя лишние отжимания на кулаках.

Что касается стойки, то подметив за мной такую особенность, как стремление по ходу спарринга переходить из левосторонней в правостороннюю, тренер только обрадовался и заявил, что со временем это будет помогать мне в ринге.

Тренировочные поединки с Диланом постепенно становились для меня обыденностью, и я пропускал всё меньше его ударов. Сам я, однако, был не способен нанести ощутимый урон сопернику. К тому времени я уже немного освоил джеб и кроссы, мог пробить хук и апперкот, но Дилан, будучи при-

лично выше ростом, просто не подпускал меня на ближнюю дистанцию.

Так продолжалось ещё пару недель, пока однажды Мэт после окончания очередного спарринга не подвёл меня поближе к груше и показал странную комбинацию – обозначив два быстрых джеба в голову и корпус левой рукой, наставник неожиданно добавил правую по дуге сверху вниз.

– Последний удар в серии называется «оверхенд», – сказал тренер. – С его помощью ты сможешь атаковать более высокого противника. Повтори!

Я повторил.

А ещё через три дня я разбил Дилану нос.

Глава 6

Второй секретарь Татарского республиканского комитета КПСС Муратов Рашид Шарипович устало откинулся на спинку кресла. Вот уже третью неделю он исполнял обязанности руководителя вместо уехавшего в Москву на консультации Касымова, и за это время сильно устал. Ситуация в республике становилась всё более напряжённой, и с каждым днём появлялись новые проблемы, требующие принятия срочных мер.

Опять прихватило сердце. Муратов достал таблетку валидола, положил её под язык, и в этот момент затрезвонил селектор.

– Рашид Шарипович, к Вам Кабанов.

«Тебя ещё чёрт принёс», – подумал второй секретарь, вслух, однако, сказав:

– Через минуту запусти.

Ровно через минуту отворилась дверь, и в кабинете появился широко улыбающийся заместитель руководителя Казанского Управления КГБ СССР полковник Кабанов Николай Павлович собственной персоной.

«Вот у кого всегда хорошее настроение», – с некоторой завистью подметил Муратов, поднимаясь из кресла навстречу гостю.

– Здравствуй Рашид Шарипович, а я к тебе! – засиял Кабанов. – Не прогонишь?

– Проходи, раз пришёл, – улыбнулся Муратов. – Ты по делу или как обычно?

– Как обычно, по делу, – хохотнул Кабанов. – Пара вопросов есть.

– Ну, давай, выкладывай, – махнул рукой второй секретарь, возвращаясь за стол.

– Во-первых, довожу до тебя, что в республике в ближайшее время будет проведена наша совместная с МВД операция по выявлению и пресечению деятельности молодёжных банд... – подобравшись, начал свой доклад Кабанов.

– А вот это правильно! – перебил его Муратов. – Это вы молодцы. Сам видишь, что пресса пишет... – добавил он, указывая на лежащий на столе позавчерашний выпуск «Казанской звезды». – Вконец распоясались, едрит их в корень!

– Так точно! – вытянулся Кабанов. – Скоро им уже не до смеха будет. Приказ с самого верха!

– Что ещё у тебя? – поинтересовался Муратов, чьё настроение заметно улучшилось.

– Помнишь, Рашид Шарипович, ты меня просил за Динарой присмотреть, чтобы не связалась с плохой компанией? – вопросом на вопрос ответил полковник.

– И? – насторожился второй секретарь.

– За последние четыре дня из твоей квартиры было сделано несколько телефонных звонков в гостиницу «Центральная». Нам удалось выяснить, что абонентом был некий Калитенко Дмитрий Алексеевич, 1971 года рождения, уроженец посёлка Малые Вязьмы... – зачастил Кабанов.

– Подожди ты, Вязьмы-Клязьмы! – прикрикнул Муратов. – Знаю тебя уже пятнадцать лет, и всё никак привыкнуть не могу к манере твоей солдафонской! Ты можешь в общих чертах сказать, что за человек, без этих своих Вязьм?!

– Так точно! – снова вытянулся полковник. – Дмитрий Калитенко – боксёр и в настоящее время участвует в Чемпионате СССР у нас в городе. Вышел в финал, кстати, – добавил он, протягивая своему собеседнику несколько скреплённых листов. – Здесь подробная информация.

– Спасибо, Николай, – искренне поблагодарил Кабанова второй секретарь. – Почитаю, что за Калитенко такой, а там видно будет. В выходные, если у тебя планов нет, приглашаю на охоту.

– Ты меня знаешь, я всегда «за», – расслабился и снова заулыбался полковник. – А к парню я бы всё-таки присмотрелся. Мне докладывали, перспективный парень.

Вскоре после того, как Кабанов ушёл, Муратов отдал секретарше распоряжение никого в ближайший час не впускать, устроился поудобнее в кресле и внимательно изучил досье на очередного ухажёра своей ветреной дочери. Динара была для него и любимым ребёнком, и постоянной головной болью – чего только стоил её предыдущий роман с женатым кинокаскадёром. Калитенко, впрочем, семьёй обременён не был, однако представлял собой типичного голодранца, единственным плюсом которого являлось умение неплохо махать кулаками.

В углу в фоновом режиме работал большой цветной телевизор, но Муратов не обращал на него внимания до тех пор, пока диктор не начал что-то выкрикивать в сильнейшем эмоциональном запале. Заинтересовавшись, второй секретарь прибавил звук и погрузился в происходящее на экране.

– ... в высшей степени неожиданно завершился бой в весовой категории до семидесяти пяти килограммов, и чемпионом СССР стал Сергей Бунин из Самарканда, – упоённо вещал комментатор. – А буквально через несколько минут нам предстоит посмотреть поединок «полутяжей», в котором сойдутся опытный мастер спорта международного класса из Москвы Аркадий Матусевич и неизвестный пока широкой публике кандидат в мастера Дмитрий Калитенко, сенса-

ционно пробившийся в финал. Впрочем, этот парень из далёкого посёлка Пензенской области уже успел стать любимцем зрителей. Кстати, вот и он...

Камера тут же выхватила приближающегося к рингу здорового парня в синей майке, за которым спешил престарелый усатый тип, что-то своему молодому спутнику эксцентрично выговаривающий.

– Ди-и-и-и-ма! – совершенно неожиданно в этот момент раздался крик из зала, и Муратов, услышавший знакомый голос, невольно вздрогнул, а затем оператор тягуче медленно повернулся в сторону зрителей и крупным планом показал Динару, сидящую в самом первом ряду.

***

Колыванов капал мне на нервы с раннего утра. После завтрака он заявился в мой номер и уже вскоре метался по комнате, как тигр по клетке, каждые пару минут пялясь на часы.

– Соберись, Дима, соберись, – безостановочно бубнил усатый гад. – Такой шанс бывает только раз в жизни, и ты не имеешь права его упускать. Как комсомолец! Как мой ученик, в конце концов!

– Василич, остынь, – через некоторое время не выдержал я бесконечного мельтешения перед глазами. – Сядь, успокойся. Нормально всё будет.

– Какое нормально?! – гаркнул «нянь». – Это же сам Матусевич, раскудрит твою через коромысло! Он из Джонсона на прошлой Европе в полуфинале отбивную сделал, а ты го-

воришь... Эх!

Старик присел в кресло, но вскоре снова вскочил. – Дима, если станешь чемпионом Союза, то я, так и быть, Марфушу от тебя отважу, – совершенно серьёзно в качестве победного стимула предложил Василич, уставившись на меня. – Женись тогда, на ком хочешь! По рукам?!

Я невольно расхохотался. Надо сказать, что «нянь», сильно раздражавший поначалу, постепенно становился для меня всё более комфортен психологически. Конечно, настоящий Дима Калитенко с таким тренером был совершенно обречён, и тот факт, что дуэт из Пензы дошёл до четвертьфинала, где успешно и позорил родные пенаты первые полтора раунда, уже представлял собой чудо из чудес.

Я, однако, был полностью состоявшимся бойцом – учеником Мэта и, много позже, Ронни Ди, которые не жалели на меня ни сил, ни времени – а, значит, вполне мог терпеть рядом с собой «усатое чудо» без особого ущерба для результатов.

– По рукам, Василич! – сказал я. – Ради того, чтоб не жениться на Марфуше, я готов сражаться хоть с Матусевичем, хоть с чёртом лысым!

Колыванов машинально схватился за свою плешь.

Два часа спустя я стоял в синем углу ринга и с интересом рассматривал сегодняшнего оппонента. Московский мастер, по словам Василича, был для многих противником неудобным. Высокий и нескладный, Матусевич предпочитал вести

бой на дальней дистанции, что, с учётом длины его рук, было естественным, и, при этом, умел бить под совершенно неожиданными углами.

Через минуту мы легонько стукнулись перчатками в знак приветствия и разошлись по углам. Неугомонный Василич снова принялся бубнить что-то в духе «лови на контратаках», но я старательно пропустил всё мимо ушей. Наконец, судья в ринге скомандовал «бокс», и бой начался.

В первом раунде я решил подождать и посмотреть, что из себя представляет противник в деле, а не на словах Колыванова. Привычно заняв центр ринга, я столкнул Матусевича в сторону, который тут же запрыгал вперёд-назад типичными движениями боксёра-любителя. Это был классический «челнок», наработанный в его случае практически до совершенства. Регулярно при этом он выбрасывал в мою сторону левый джеб, как для контроля дистанции, так и для пресечения возможных атак с моей стороны.

Надо сказать, что сам я, будучи профессионалом, «челнок» на ринге практически не использовал. Мэт чуть ли не с первых уроков учил меня срезать углы для входа в ближний бой, чем я и собирался удивлять своего сегодняшнего оппонента во втором и третьем раундах.

Пока же я просто выжидал и примерялся к манере поединка, предложенной Матусевичем. Довольно быстро я убедился, что московский мастер являлся типичным аут-файтером – лёгким на ногах, довольно умелым и как огня

избегающим выхода на среднюю, а, тем более, ближнюю дистанцию.

Во второй половине раунда Матусевич, не встречавший особой активности с моей стороны, осмелел и начал действовать сериями по два-три удара с последующим резким разрывом дистанции. Подход-серия-отход. Подход-серия-отход. Засвистели, загалдели зрители, и со стороны наблюдающих за поединком тренеров сборной до меня донеслось:

– Всё, закончилась сказка. Везло просто парню в последних боях.

– Да он на ногах никакой. Ни «челнока», ничего нет.

В этот момент я и встретил Матусевича своей первой в поединке контратакой. Поймав московского мастера на стремлении нанести очередной левый джеб, я быстро подшагнул вперёд и вправо и с разворота пробил мощный боковой, попав точно в висок.

Матусевич отлетел назад, к канатам и ошарашено затряс головой. Ноги его на мгновение подогнулись – типичный эффект от таких ударов, но мастер устоял. После этого до самого конца раунда он строго выдерживал дальнюю дистанцию и полностью забыл о серийных атаках.

Я тоже не спешил. Для меня этот бой только начинался.

– Нормально, Дима. Нормально! – суетился Колыванов в перерыве, обмахивая меня полотенцем. – Дальше действуй в том же духе. Продолжай ловить на контратаках, но только не

отпускай, а добивай! Два-три удара вдогонку! Два-три удара!

– Хорошо, Василич, – легко согласился я, впервые, пожалуй, услышав от «усатого няня» более-менее здоровое видение ситуации. Действовать, как он предлагал, я не собирался, но рациональное зерно в его рассуждениях, безусловно, присутствовало.

– И не забывай о судействе! – добавил Колыванов, немного удивлённый моим согласием. – Первый раунд, наверняка, засчитали в пользу Матусевича.

– Ну, это само собой... – только и успел ответить я, как рефери подозвал меня и московского мастера к центру ринга.

Второй раунд начался с тактической ошибки Матусевича, решившего побороться со мной за середину площадки. Двигаясь вперёд-назад на «челноке», он принялся, было, подавливать меня, стараясь отжимать к канатам. Я же, напротив, запланировал в этом раунде действовать первым номером, и, таким образом, в самом начале второго отрезка боя в центре ринга неожиданно для многих произошёл жёсткий и даже жестокий размен.

Матусевич кинул серию из трёх быстрых ударов, один из которых достиг цели, но тут же получил в ответ четыре, и, как минимум, два его потрясли. На мгновение я увидел, как его лицо перекосила гримаса удивления и злости, после чего московский мастер снова пошёл в атаку.

В результате, коса нашла на камень, и где-то секунд пят-

надцать мы откровенно рубились в ринге под оглушительные вопли зала:

– А-а-а-а, Дима-а-а-а!

– Аркаша, дави-и-и-и!

Самым удивительным было то, что из угла Матусевича в это время в адрес моего соперника летели чуть ли не отборные проклятия, из чего можно было сделать лишь один вывод – установку тренерского штаба мастер нарушал полностью, угодив, по сути, в ту же ловушку, что и Тумикян до него. Он просто не воспринимал Диму Калитенко в качестве достойного соперника и, поэтому, в какой-то момент чересчур раскрывался в ринге.

Дождавшись очередной атаки Матусевича, я кинул обманный джеб левой, после чего привычно добавил правую по дуге сверху-вниз. Оверхенд, Аркадий!

– Вау-у-у! – ахнули зрители.

– Что это было вообще?

– Оверхенд, вроде. Так американцы бьют.

– Ну, ты мне ещё скажи, что ему Василич оверхенд поставил?! – раздались со стороны тренерского штаба возгласы разгорающейся на ровном месте перепалки.

Отскочив назад, Матусевич ошеломлённо заметался вдоль канатов, безоговорочно уступив мне середину площадки. С этого момента и до самого конца раунда атаковал только я, а московский мастер следил лишь за тем, чтобы не угодить в один из четырёх углов боксёрского ринга.

Второй отрезок поединка я выиграл вчистую.

Глава 7

– Ты что, мать твою, делаешь?! – громко шипел в перерыве красный от бешенства заслуженный тренер СССР Сергей Аверин на своего тяжело дышащего подопечного. – Я тебе всё утро в голову вдалбливал не бороться за центр! Чем ты слушал?!

– Да, нормально, нормально, Саныч, – вяло отбрёхивался Матусевич. – Роба у него слишком наглая просто, и проверить я его хотел.

– Как проверка? Понравилось?

– Ладно, Саныч, не наезжай. Сейчас что делаем?

– Отработаешь вторым номером, – выдержав небольшую паузу и чуть успокоившись, довёл до подопечного план на заключительный раунд Аверин. – Если сможешь зацепить в контратаке, то хорошо, а если нет – не переживай. Судьи всё нормально сделают, только не упади!

– От кого падать?! От этого, что ли?! – взвился Матусевич, с первой секунды боя невзлюбивший своего противника, о существовании которого до турнира даже не подозревал. Слишком уж непочтительной была физиономия у провинциального КМСа, да и весь он был каким-то неправильным. Ещё этот удар его свинский, прилетевший сверху по дуге. Нет, так дело не пойдёт!

Через секунду раздражённый Аркадий вскочил со стула

и, повинуясь жесту судьи, направился к центру ринга, где его уже поджидал сбежавший чуть раньше от своего усатого тренера противник. «Сейчас посмотрим, сможешь ли ты повторить свой фокус», – успел подумать мастер за мгновение до того, как прозвучал гонг, и начался третий раунд.

***

В перерыве Колыванов буквально сживал меня со свету за нарушение его установки работать на отходах.

– Ты смерти моей хочешь, ирод?! – хватаясь за сердце, подытожил свой разнос усатый симулянт. – Тренера не жалеешь, родной посёлок хоть пожалей!

– Не бойсь, Василич. Прорвёмся! – подбодрил я его в ответ, но только нарвался на очередные угрозы вперемешку с мольбами, суть которых сводилась к незамысловатому требованию «продолжай ловить на контратаках, раскдурит твою через коромысло».

В результате я, как и до этого в полуфинале, не смог дотерпеть его нудёж и выскочил в центр ринга ещё до приглашения судьи, что породило смешки в зале.

– Совсем Василич молодого заездил, – хохотнул кто-то из зрителей.

– Да не-е-е. Парень, наоборот, в бой рвётся, – ответили в тон шутнику. – Сейчас опять Аркашу гонять будет.

В этот момент Матусевич, повинуясь жесту арбитра, вышел на середину площадки, и буквально через секунду по-

единокок возобновился.

Я с трудом верил своим глазам, но мастер из Москвы с самого начала раунда набросился на меня, просто как танк, выкидывая удары сериями. То ли его угол посчитал, что они проигрывают, то ли я умудрился чем-то задеть Матусевича за живое – не знаю, но трёхкратный чемпион СССР словно обезумел, вкладывая в каждую атаку всю имеющуюся у него силу и немалое мастерство.

Впервые в этом времени я встретил бойца, который мог составить мне конкуренцию, пусть всего лишь эпизодами, а не на всём протяжении поединка.

– Давай, Аркаша! Давай! – завизжала часть зрителей, и я решил, что пришло время немного остудить моего разгорячившегося оппонента. К моменту очередной атаки Матусевича я оказался перед ним уже в правосторонней стойке, и, когда он в очередной раз попробовал пробить «двойку», я выкинул ему навстречу лёгкий правый джеб, который немного закрыл обзор, и тут же добавил мощный оверхенд, на этот раз левой рукой.

Бам!

Зал ахнул.

– Да чтоб тебя! – завопил тренер Матусевича. – Защита!!! Действующий чемпион Союза отлетел назад, после чего на вбитых в подсознание многолетними тренировками рефлексом попытался рвануть в сторону, чтобы не оказаться зажатым у канатов, но не тут-то было. В этот раз, в отличие

от первого раунда, я пошёл вслед за оверхендом и от души добавил Матусевичу серию из пяти силовых ударов.

В следующие мгновения произошло сразу несколько событий: у московского мастера от пропущенной атаки носом хлынула кровь; он опустился на одно колено, признавая нокадаун; а из зала, со стороны стола для арбитров, раздался вопль: «Открытая перчатка! Куда смотришь, судья?!».

– Какая открытая перчатка? Глаза протри! – тут же гаркнул кто-то из зрителей, чудом умудрившись перекричать поднимающийся гвалт.

– Ди-и-и-и-ма! Ди-и-и-и-ма! – завизжали девчонки.

Судья, умудрившийся среди нарастающего бедлама сохранить спокойствие, указал мне занять нейтральный угол, после чего открыл счёт, однако, дойдя до «шести», отчего-то остановился и замахал рукой ожидающему невдалеке врачу. Тот споро подбежал и тут же захлопотал возле по-прежнему стоявшего на колене Матусевича. Ещё несколько секунд ничего не происходило, а затем началась какая-то странная суэта между углом московского мастера, арбитрами в зале и врачом.

Наконец, под аккомпанемент организованного моими невесть откуда взявшимися фанатами скандирования «Кали-тен-ко! Кали-тен-ко!» судья в ринге подозвал меня к себе и вцепился в мою левую руку, словно клещами. Матусевича, тем временем, с помощью врача кое-как поставили на ноги и отвели в красный угол, где бесновался его тренер.

Главный арбитр, словно нехотя, взял в руки микрофон и под крики зала полузадушено произнёс:

– В связи с ... кха... невозможностью Аркадия Матусевича продолжать бой, победу одержал... кхе... Дмитрий Калитенко, Пензенская область.

– У-р-р-р-р-а-а-а! – завопила большая часть зрителей, в то время как судья в ринге вздёрнул мою руку вверх. – Ди-и-и-и-ма! Ди-и-и-и-ма!! Ди-и-и-и-ма!!!

Стоило мне только пройти в свой угол, как Кольванов буквально повис на мне, порываясь то трясти как грушу, то целовать в обе щёки.

– Э, Василич, ты не увлекайся, – попытался я хоть немного уговорить старика, да где там. Он только стиснул меня сильнее, и, обычно такой острый на язык, на этот раз отчего-то смолчал. Приглядевшись к нему внимательней, я увидел причину.

«Усатый нянь» плакал.

***

– ... просто невероятный поединок мы с вами только что посмотрели, уважаемые зрители! – подводил в это время промежуточные итоги трансляции первого канала советского телевидения комментатор Валерий Зинчуков. – Наш заслуженный мастер спорта Аркадий Матусевич лишь в стартовой трёхминутке сумел оказать сопротивление доселе неизвестному широкой публике Дмитрию Калитенко. Во втором, а тем более, третьем раундах на ринге фактически

доминировал представитель Пензенской области, сумевший в столь юном возрасте добиться впечатляющего результата...

Зинчуков сделал короткую паузу и, успокаивая горло, отхлебнул минеральной воды из стоящего перед ним на столе стакана. Затем быстро глянув в подготовленные накануне записи, он продолжил:

– А я хочу напомнить зрителям, что до Чемпионата Европы по боксу, который в этом году пройдёт в столице Швеции городе Стокгольме осталось меньше трёх месяцев. В категории «полутяжей» в турнире будут участвовать наши извечные соперники – англичанин Пит Джонсон и немец болгарского происхождения Мартин Делев, оба по разу побеждавшие Аркадия Матусевича и преграждавшие ему путь к золотой медали. Что ж, посмотрим, как у них получится справиться с новым чемпионом СССР Дмитрием Калитенко!

Ну, а нам остаётся только порадоваться за него и его тренера, которые в этот момент как раз проходят недалеко от нашего рабочего места. Вот мы видим, как Диму приветствуют и поздравляют зрители и некоторые представители тренерского штаба сборной. Хотя... возле стола с арбитрами возникает какая-то заминка и даже, похоже, перепалка...

Что ж, эмоции, друзья, эмоции! Это спорт, и побеждает в нём сильнейший! А сегодня сильнейшим, безусловно, был Дмитрий Калитенко...

Ну вот, страсти, вроде, немного улеглись, и чемпион со своим тренером уходят из зала, чтобы вернуться сюда уже

через час для награждения. А у нас, тем временем, начинается бой в категории до 91 килограмма, в котором сойдутся представляющий Кишинёв Егор Кульпин и действующий чемпион страны Олег Самойлов из Волгограда...

***

Когда Василич взял себя в руки, мы, наконец, смогли отправиться в раздевалку. До церемонии награждения оставались ещё поединки в двух весовых категориях, и у меня как раз было время принять душ и привести себя в порядок.

Стоило нам только сойти с ринга, как некоторые зрители начали тянуть ко мне руки, поздравляя с победой. Заметив в проходе светящуюся от радости Динару, я, было, направился к ней, как вдруг со стороны стола для арбитров в мой адрес раздалось:

– Тебя в детстве не учили, что подличать нехорошо?! Или бить открытой перчаткой, по-твоему, нормально?

Оглянувшись, я узрел знакомую длинноносую физиономию. Начальник отдела Спорткомитета СССР Денис Павлович Кравцов, собственной персоной, смотрел на меня, как Ленин на буржуазию.

– Это Вы мне? – невинно поинтересовался я у него.

– Тебе, кому же ещё?! – возопил чиновник. – Это не бокс, а позор! Сплошная грязь и американщина!

– Ну, так-то уж не стоит... – попытался погасить разгорающийся конфликт стоявший поблизости тренер сборной Сергей Валеев. – Удар необычный, конечно, но, ведь, прави-

ла нарушены не были...

– Перестань его выгораживать, Сергей Николаевич! – перебил Валеева носатый скандалист. – Я это дело не оставлю, так и знай! – вновь переключился он на меня. – Ты теперь не то, что на Чемпионат Европы, ты теперь на чемпионат своей деревни не попадёшь!

– А не пошёл бы ты к такой-то матери, буратино штопаный?! – внезапно для всех рявкнул доселе спокойно стоявший за моей спиной Василич. – Я тебя сейчас во двор выведу и за Димку тебе клюв на раз сверну!

– Вы что себе позволяете?! – выпучив блеклые глаза, заорал Кравцов. – Да я вас всех в бараний рог! Завтра же подниму в комитете вопрос о вашем поведении!

Он оглянулся по сторонам в поисках поддержки, но наткнулся лишь на угрюмые лица тренеров сборной и некоторых арбитров, часть которых просто отводила глаза. Неожиданно для себя не найдя сочувствия у окружающих, чиновник мгновенно сдулся, будто из него выпустили весь воздух, и, наконец, закрыл рот.

– Так пойдём во двор-то! – снова сделал ему заманчивое предложение неугомонный Василич. – Поучишь меня, как надо себя вести. И я тебя тоже кое-чему научу!

Кравцов опять раззявил, было, рот для ответа, но хищный блеск в глазах моего тренера заставил его смолчать, после чего чиновник развернулся на 180 градусов и рванул к выходу из зала под «дружелюбное» гыгыканье и даже улюлю-

канье части публики, которая, как оказалось, слышала всю перепалку.

Мы с Василичем тоже отправились в раздевалку, но перед этим нам вполне по-дружески пожала руки большая часть тренерского штаба сборной. Динара, крепко вцепившись в мою футболку, последовала за нами.

После того, как я принял душ и вошёл в раздевалку, я увидел там Влада Цзю и ещё пару легковесов, закончивших свои бои раньше меня.

– О, Димыч! Ну, ты дал сегодня! – засветился Влад, крепко пожимая мне руку. – Откуда оверхенд-то?! Василич поставил?

– Да не. Тренер в детско-юношеской спортивной школе показал, – хохотнул я. – А здесь, я так понимаю, одни чемпионы собрались?

– Ну, естесна! – продолжал светиться Влад. – Кстати, если вдруг не знакомы, то это Тигран Вазганян и Вадим Скрыбин.

– Приветствую... – я пожал бойцам руки. – С победой, парни!

– И тебя с победой, Димыч, – улыбнулся круглолицый Вадим, а серьёзный Тигран молча хлопнул по плечу.

Пообщавшись с коллегами-боксёрами ещё немного, я вскоре отправился в расположенный на первом этаже спорт-комплекса небольшой кафетерий, где меня дожидались Василич и Динара. Недавние враги, невзлюбившие, казалось бы, друг друга с первого взгляда, они сидели за столиком

в углу и мило беседовали обо всём на свете. Впрочем, моё удивление стало ещё больше, как только я услышал, что Динара теперь обращается к Василичу «дядя Вова», а тот её, в ответ, величает «Нарочка».

– Вот такая девчонка! – показал мне украдкой большой палец «нянь», когда мы вскоре отправились на церемонию награждения. – Повезло тебе, оболтус!

Глава 8

В зале всё было готово к торжеству – установлен пьедестал и даже присутствовал небольшой оркестр, который, по замыслу организаторов, должен был исполнять гимн СССР. Награждением заведовал всё тот же Кравцов, суетившийся рядом с постаментом, и, при появлении нашей троицы, нацепивший на свою физиономию равнодушное выражение.

– О, смотрите, опять Буратино! – хихикнула Динара. – Вы его бить будете, да, дядя Вова? – обратилась она к «усатому няню».

– Никто никого бить не будет, – успел вмешаться я. – Держи себя в руках, Василич.

– Ты поучи отца детей делать, – проворчал задиристый старикан. – Пойдём, Нарочка, места займём получше.

Вскоре церемония началась. Одни за другими на импровизированную сцену выходили четвёрки медалистов, которых поздравлял Кравцов и ещё пара ответственных лиц, после чего звучал гимн. Видел я и своих знакомых новоявленных чемпионов СССР Влада, Вадима и Тиграна и искрен-

не им поаплодировал. Наконец, дошла очередь до «полутяжей», и я отправился к пьедесталу.

Подошедший к нам «Буратино» за пару секунд пренебрежительно нацепил медали на шею третьим призёрам, после чего чуть ли не с лобызаниями добрую минуту поздравлял со вторым местом любимого племянника. Затем, повернувшись-таки ко мне, он что-то невнятно пробубнил, едва не проткнув при этом своим длинным носом, сунул в руки кучу всякой всячины – от букета цветов до какой-то книжицы – и испарился.

Аплодисменты и крики зала «Ди-и-и-ма! Ди-и-и-ма!» тут же потонули в звуках заигравшего гимна, после окончания которого я пожал руки своим недавним соперникам и вернулся на своё место рядом с Василичем и Динарой. Девушка сразу принялась рассматривать медаль, а я тем временем раскрыл вручённую мне Кравцовым красную книжицу, оказавшуюся удостоверением.

И написано в нём было:

«Калитенко Дмитрий Алексеевич. Мастер спорта СССР по боксу.

Выдано 7 февраля 1991 года».

Друзья,

Вы прочитали первую часть романа «Левша», обновления к которому регулярно выкладываются на двух литературных порталах:

Литсовет – <https://litsovet.ru/books/981715-levsha/read/page-1>

Автор.тудэй – <https://author.today/reader/295726>

Надеюсь, роман хоть немного поднял вам настроение!

Вадим Васильев